

УДК 355.01+355.426+ 94

Стоянович М.¹

**СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ВОЙНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ,
ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ И КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО
ИДЕНТИТЕТА**

Тульский государственный университет

Stojanovic Milan

**THE SOCIAL PHENOMENON OF WAR: THEORETICAL APPROACHES, ETHNIC
CONFLICTS, AND THE CONSTRUCTION OF NATIONAL IDENTITY**

Tula State University

Аннотация: В статье анализируется война как один из ключевых социальных феноменов, обладающий уникальной способностью создавать историю и влиять на коллективную память. Рассматриваются три основных теоретических подхода к изучению насилия: оперативный, когнитивный и эмпирический. Особое внимание уделяется различию между конфликтом и насилием, а также эволюции интеллектуального дискурса о войне – от её апологии в XIX – первой половине XX века (Гегель, Самнер, Геллнер) к критическому осмыслению после Второй мировой войны. В работе выделяются ключевые характеристики гражданских и этнических войн, включая их брутальность, длительность, устойчивость к переговорным решениям и глубокую укоренённость в идентичности. Дополнительно рассматриваются механизмы конструирования национального идентитета через войну (общий враг, герои и мученики, коллективная память, институциональные рамки), роль исторических нарративов и коллективной памяти, а также стратегии манипуляции этническими различиями политическими элитами. Делается вывод о том, что этнические и религиозные конфликты представляют собой наиболее деструктивную и трудноразрешимую категорию вооружённых столкновений, поскольку они воспроизводят «динамическую ненависть» и требуют не только политического, но и культурно-исторического понимания.

Ключевые слова: война, насилие, конфликт, этническая война, гражданская война, теория насилия, коллективная идентичность, примордиализм, когнитивный подход, коллективная память, политические элиты, нарративы.

Abstract: The article analyzes war as one of the key social phenomena with a unique ability to create history and influence collective memory. Three main theoretical approaches to the study of violence are examined: operational, cognitive, and empirical. Special attention is paid to the

¹ Стоянович Милан – старший преподаватель кафедры «История государства и права» института права и управления ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет». e-mail: legendanish@yandex.com

distinction between conflict and violence, as well as to the evolution of intellectual discourse on war – from its apology in the 19th and early 20th centuries (Hegel, Sumner, Gellner) to critical reflection after World War II. The paper identifies key characteristics of civil and ethnic wars, including their brutality, duration, resistance to negotiated solutions, and deep rootedness in identity. Additionally, the article examines the mechanisms of constructing national identity through war (common enemy, heroes and martyrs, collective memory, institutional frameworks), the role of historical narratives and collective memory, as well as strategies of manipulating ethnic differences by political elites. It is concluded that ethnic and religious conflicts represent the most destructive and intractable category of armed clashes, as they reproduce “dynamic hatred” and require not only political but also cultural-historical understanding.

Keywords: war, violence, conflict, ethnic war, civil war, theory of violence, collective identity, primordialism, cognitive approach, collective memory, political elites, narratives.

1. Введение

Война представляет собой один из величайших социальных феноменов, чьё непосредственное и историческое влияние на государство и общество неизмеримо. Как форма политического насилия (Становчий, 2003), война может быть определена как конфликт, включающий организованное применение физической силы со стороны государств или других социальных групп. В отличие от иных форм политического насилия, война обладает уникальными характеристиками (Shroder & Schmidt, 2001, С. 16):

1) Историческая креативность – способность создавать историю и «возвращаться» на сцену индивидуальной и коллективной реальности через память.

2) Динамическая интенсивность – интенсивность военных действий может эскалировать или снижаться, но всегда движется в русле исторической траектории событий.

3) Создание отдельной реальности – война формирует особую социальную реальность с уникальными формами общественных отношений.

2. Три подхода к изучению насилия

В социальных науках исследования феномена конфликта, войны и насилия могут быть разделены на три основных подхода (Shroder & Schmidt, 2001, С. 17; Стоянович, Война и национальный, С. 21-33, 2026):

1) Оперативный подход – насилие связывается с человеческой природой и рациональностью, а также с общими концептами социального приспособления к материальным условиям. Объясняет насилие через структурные условия как причины исторических событий.

2) Когнитивный подход – наиболее распространённый. Рассматривает насилие как культурную конструкцию и символ культурных ценностей. Насилие считается зависимым от своего культурного значения и способа его представления. Этот подход является ключевым для анализа роли войны в формировании национального идентитета.

3) Эмпирический подход – фокусируется на субъективных характеристиках насилия, рассматривая его как феномен, объяснимый исключительно с позиции личного опыта. Значимость насилия определяется индивидуальной перцепцией насильственного акта.

Фундаментальный анализ требует использования всех трёх подходов в определённой мере, поскольку рациональные, культурные и личные мотивы часто переплетаются (Shroder & Schmidt, 2001, С. 17).

3. Различение конфликта и насилия

В международных отношениях часто возникают конфликты из-за несовместимых интересов различных акторов. Однако сам по себе конфликт не обязательно представляет серьёзную угрозу. Конфликт возникает, когда две или более стороны пытаются решить спор в свою пользу; это нормальная интеракция, которая может даже способствовать социальной солидарности, творческому мышлению и коммуникации (Coser, 1956). Конфликт становится угрозой только тогда, когда одна или несколько сторон отказываются от ненасильственных методов и обращаются к оружию – в этот момент насилие переходит в сферу политического насилия и, в конечном счёте, войны. (Стойнович, Война и национальный, С. 21-33, 2026)

Согласно школе реализма, война – это государственный инструмент разрешения конфликтов. Огромное значение войны в социальных науках обусловлено исторической непрерывностью её существования. Как отмечает Сивард, ни один другой век нельзя сравнить с двадцатым по нецивилизованному гражданскому насилию, числу вооружённых конфликтов, потокам беженцев, миллионам убитых и огромным расходам на оборону (Sivard, 1996, С. 6).

4. Эволюция дискурса о войне: от апологии к критике

В XIX и первой половине XX века интеллектуальный дискурс о войне часто подчёркивал её позитивные социальные функции. Гегель, рассматривая войну в «Философии права», утверждал, что «высший смысл войны заключается в том, чтобы поддерживать этическое здоровье народов; подобно тому, как ветер не даёт грязи оседать в море, война предотвращает порчу народа, которую породил бы долгий, а тем более вечный мир» (Hegel, цит. по: Bramson & Goethals, 1964, С. 197-198; Стойнович, Роль войны, С. 55-64, 2026).

Американский социолог Уильям Грэм Самнер подчёркивал, что мотивы, которыми

руководствуются люди, не имеют ничего общего с последствиями их действий. Сражаясь за славу и добычу, из мести и суеверия, они создавали человеческое общество. Войной формируются более крупные социальные целые и создаются государства, уничтожая всё отжившее и создавая условия для устойчивого (Sumner, 1910, цит. по: Bramson & Goethals, 1964, С. 212-213). Социальный дарвинизм рассматривал войну как частный случай закона выживания наиболее приспособленных. Фрейд также связывал склонность к агрессии с генетическим и психологическим составом человека (Freud, 1932, цит. по: Bramson & Goethals, 1968). Лоренц объяснял агрессию сравнением с поведением животных видов (Lorenz, 1963).

После Второй мировой войны, с миллионными жертвами, геноцидом и ядерной катастрофой, тон анализа резко изменился. Современные исследователи, такие как Гурр, подчёркивают, что у людей существует биологическая способность, но не биологическая потребность в насилии (Gurr, 1970). Агрессия рассматривается как результат социализации, а не как врождённая предрасположенность. Государства, через систему образования и публичные институты, формируют культуру, которая в определённых обстоятельствах принимает войну (Caspary, 1993). Уильям Джеймс ещё в 1910 году заметил: «Современная война настолько дорога, что есть убеждение, будто торговля – лучший способ грабежа, но современный человек унаследовал всю врождённую воинственность своих предков» (James, 1910, цит. по: Bramson & Goethals, 1964, С. 22).

5. Гражданские и этнические войны

Войны классифицируются по масштабу, мотивам и целям – на межгосударственные и внутригосударственные, завоевательные и освободительные, этнические и религиозные. В этнических и религиозных конфликтах проявляется более высокий уровень эмоциональности, а насилие становится символом культурных ценностей. Гражданская война одновременно защищается как инструмент справедливости и осуждается как аморальное принятие насильственных изменений. После Второй мировой войны число гражданских войн значительно выросло (Wallenstein & Sollenberg, 2001; Стоянович, Роль войны, С. 55-64, 2026).

5.1. Причины гражданских войн

Большинство гражданских войн возникает в схожих условиях (Small & Singer, 1982, С. 241; Smith, 1997, С. 14; Walter, 1997, С. 335):

- этнические меньшинства требуют автономии или собственного государства;
- внутренние конфликты за установление власти (многие из них были спровоцированы противостоянием Восток-Запад);

- «несостоявшиеся государства» (failed states), где власть разрушена и воюют парамилитарные или криминальные группы.

5.2. Ключевые характеристики гражданских войн

Глобализация внешних интервенций – в 111 гражданских войнах (1989–2000) участвовало более 80 внешних государств и международных организаций.

- Брутальность – число жертв чрезвычайно высоко. Например, в Руанде за месяц убито около полумиллиона человек, в Судане – более двух миллионов за десятилетие, в Боснии и Герцеговине – около ста тысяч убитых и два миллиона беженцев (Rice & Scheffer, 1999).

- Длительность – более половины войн 1990-х длились дольше пяти лет, две пятых – дольше десяти, четверть – дольше двадцати лет (Smith, 1997, С. 14).

- Соппротивление мирным соглашениям – гражданские войны редко заканчиваются решающей победой; более половины завершаются на поле боя (Walter, 1997). Переговоры крайне затруднены из-за накопившейся ненависти.

5.3. Этнические войны

Значительная часть гражданских войн вызвана этническими различиями. По данным Хантингтона, этнически мотивированные конфликты составляли около половины всех гражданских войн в 1940–50-х годах и около трёх четвертей в последующие десятилетия (Huntington, 2000, С. 283). Интенсивность восстаний этнических групп утроилась между 1950-ми и 1980-ми годами (Gurr, 1994, С. 351-352).

Как отмечает Хантингтон, «в этом новом мире самые важные и опасные конфликты будут не между социальными классами, богатыми и бедными, а между людьми, принадлежащими к разным культурным образованиям» (Huntington, 2000, С. 28). Жак Делор также предсказывал, что будущие конфликты будут вызваны скорее культурными факторами, чем экономическими или идеологическими (Delors, 1993, С. 2).

В основе этнических конфликтов лежат реальные или воспринимаемые этнические различия, страх дискриминации, ассимиляции или насилия, а также стремление к автономии или независимости. Глобальный подъём национализма и религии во второй половине XX века опроверг ожидания о секуляризации и создал «динамическую ненависть», сравнимую с «безопасностной дилеммой»: взаимные страхи и антагонизмы подпитывают друг друга. Появляется «динамическая ненависть»: каждая сторона драматизирует различие между силами добра и зла (Huntington, 2000, С. 295-296).

5.4. Трудность разрешения этнических войн

Культурная дистанция (Стоянович, Историческая, С. 35-48, 2026), сильная ненависть

и взаимное насилие делают продуктивные переговоры почти невозможными без вмешательства третьей стороны. Однако такие интервенции редко решают фундаментальные проблемы. Как замечает Хантингтон, «насилие из-за несоответствующей границы может полностью прекратиться на определённый период, но редко заканчивается навсегда. Раны заживают, но не затягиваются» (Huntington, 2000, С. 280-281). Эти войны обладают качеством «опять и опять», поскольку они укоренены в глубоких цивилизационных разломах: географической близости, разных религиях и культурах, разделённых социальных структурах и исторической памяти. Если одна группа не истребляет другую, конфликт продолжается с рекуррентными периодами насилия.

Кецманович (2005, С. 208-209) проводит аналогию с сейсмическими зонами: на тангенциальных территориях между различными религиями, культурными идентичностями и этническими группами невозможно предсказать, когда они вновь схватятся, увлекая за собой единоверцев и соседние народы.

6. Война и национальная идентичность: механизмы конструирования

Война представляет собой один из наиболее мощных механизмов конструирования и укрепления национального идентитета. Как было показано выше, угроза физическому выживанию группы активирует защитные механизмы, усиливает внутригрупповую солидарность и способствует кристаллизации границ между «своими» и «чужими». В этом процессе война выполняет несколько взаимосвязанных функций (Стоянович, Историческая, С. 35-48, 2026).

Во-первых, война создаёт общего врага, что является, по мнению многих исследователей, наиболее эффективным способом консолидации нации. Наличие внешней или внутренней угрозы позволяет политическим элитам апеллировать к базовым инстинктам самосохранения и переводить сложные социально-экономические проблемы в плоскость простой дихотомии «мы – они». Как отмечает Коннор (Connor, 1994, С. 100-103), этническая группа становится нацией именно тогда, когда она осознаёт себя в противостоянии с другими группами, а война является наиболее радикальной формой такого противостояния.

Во-вторых, война производит героев и мучеников, которые становятся центральными фигурами национальной мифологии. Жертва, принесённая на алтарь отечества, сакрализует национальную идею и создаёт эмоциональную связь между индивидом и абстрактной общностью – нацией. Мифы о героическом прошлом передаются из поколения в поколение, формируя коллективную память и служа основой для патриотического воспитания (Smith, 1991, С. 74-75).

В-третьих, война создаёт общую память о страдании. Как подчёркивает Денич (Denich, 1994, С. 367-390), травматический опыт, пережитый сообществом, оставляет неизгладимый след в коллективной психике и становится основой для «символического возрождения» идентичности. Память о жертвах войны консолидирует группу даже спустя десятилетия и может быть инструментализирована политическими элитами для мобилизации в периоды новых кризисов.

В-четвёртых, война создаёт институциональные рамки для национальной идентичности. В ходе войны или сразу после неё часто возникают или укрепляются такие институты, как армия, национальная администрация, система образования, которые начинают целенаправленно транслировать национальные ценности и символы (Gellner, 1983, С. 35-38). Именно поэтому государства, пережившие крупные войны, как правило, обладают более сильным национальным самосознанием.

7. Роль нарративов и коллективной памяти

Важнейшим каналом, через который война влияет на национальный идентитет, является коллективная память и её воплощение в исторических нарративах. Война никогда не является событием, которое можно «объективно» зафиксировать; она всегда интерпретируется, пересказывается и мифологизируется. Как подчёркивает Хрох (Hroch, 1985, С. 23-25), национальное возрождение в Европе XIX века невозможно без создания «национального канона» – набора событий, героев и символов, которые становятся общим достоянием всех членов нации. Войны занимают в этом каноне центральное место.

Различные социальные институты (школа, армия, церковь, средства массовой информации) участвуют в производстве и воспроизводстве нарративов о войне. Исторические учебники, художественная литература, кино, памятники и мемориалы, государственные праздники – все эти формы культурной репрезентации формируют «воображаемое сообщество» (Anderson, 1991) и закрепляют определённое понимание прошлого. При этом, как правило, из нарратива исключаются травматичные или неудобные элементы, а сложные и противоречивые события упрощаются до бинарной оппозиции «добро – зло».

Особое значение имеет символическое пространство войны. Места сражений, мемориальные кладбища, музеи военной славы становятся местами паломничества и ритуального поклонения. Они сакрализуют национальную территорию и связывают её с жертвой предков. Как отмечает Элиаде (Eliade, 1954), возвращение к «священному времени» основания – войны за независимость, революции, победы над захватчиками – позволяет нации периодически обновлять свою идентичность и черпать легитимность в

прошлом.

8. Манипуляция этническими различиями и роль элит

Хотя этнические и религиозные различия могут быть объективно существующими, в мирное время они часто не играют доминирующей роли в повседневной жизни. Как справедливо отмечают многие исследователи, интенсивность этнических антагонизмов в значительной степени зависит от деятельности политических элит, которые инструментализируют этничность для достижения собственных целей (Brass, 1991; Gagnon, 2004).

В периоды социально-экономических кризисов, политической нестабильности или внешней угрозы элиты могут прибегать к стратегии «этнизации» конфликта. Суть этой стратегии заключается в том, чтобы перевести сложные (классовые, экономические, властные) противоречия в плоскость этнических или религиозных различий, что позволяет представить себя защитниками «своей» группы перед лицом «чужой» угрозы. Такая стратегия даёт ряд преимуществ:

- она упрощает картину мира и делает её понятной массам;
- она мобилизует эмоциональные ресурсы (страх, ненависть, гордость);
- она оправдывает любые (в том числе насильственные) действия в рамках «защиты» своей группы;
- она легитимирует власть элит как единственных «защитников» национальных интересов.

Как подчёркивает Ганьон (Gagnon, 2004), политические элиты в странах бывшей Югославии сознательно раздували этнические страхи и антагонизмы, чтобы сохранить свою власть в условиях краха социалистической системы и экономического кризиса. Схожие механизмы действовали в Руанде, где хутуйские экстремисты использовали медиа для демонизации тутси и подготовки геноцида (Straus, 2006).

Однако манипуляция этничностью невозможна без социальной основы – предшествующих предрассудков, стереотипов и исторических обид. Элиты лишь актуализируют и усиливают то, что уже существует в коллективной памяти. Поэтому исследователи подчёркивают двунаправленный характер процесса: элиты манипулируют этничностью, но они ограничены историческим и культурным контекстом, а также настроениями масс (Brubaker, 1996).

9. Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать несколько обобщающих выводов.

Во-первых, война представляет собой не только разрушительный, но и

созидательный социальный феномен. Она обладает уникальной способностью формировать коллективные идентичности, производить героев, мучеников и сакрализованные нарративы, которые становятся основой национальной памяти. Именно поэтому войны часто называют «локомотивами нациестроительства».

Во-вторых, в XX–XXI веках наиболее распространённой и деструктивной формой вооружённого насилия стали этнические и гражданские войны. Они характеризуются высокой эмоциональной вовлечённостью, брутальностью, длительностью и устойчивостью к внешнему урегулированию. Корни этих конфликтов лежат в реальных или воспринимаемых этнических различиях, исторической памяти и страхе перед ассимиляцией или уничтожением.

В-третьих, хотя этнические различия могут быть объективными, их превращение в источник насилия в значительной степени зависит от деятельности политических элит. Элиты инструментализируют этничность в периоды кризисов, используя страх и ненависть для консолидации власти и достижения собственных целей. Однако эта манипуляция возможна только при наличии предшествующей культурно-исторической основы.

В-четвёртых, разрешение этнических конфликтов требует не только политических и экономических мер, но и работы с коллективной памятью, историческими нарративами и символическим пространством. Без преодоления «динамической ненависти» и без создания новых инклюзивных идентичностей любое внешнее вмешательство будет лишь временным подавлением симптомов, а не излечением болезни.

Босния и Герцеговина, как показано в других разделах нашего исследования, представляет собой классический пример такого «незавершённого» конфликта, где память о войне 1992–1995 годов продолжает определять политическую реальность и препятствовать формированию общегражданской идентичности. Изучение механизмов связи войны и идентичности имеет не только теоретическое, но и практическое значение – оно позволяет понять, как возникает насилие и как его можно предотвратить или хотя бы смягчить его последствия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. — London: Verso, 1991. — 224 p.
2. Bramson L., Goethals G. W. (eds.). *War*. — New York, London: Basic Books, 1964. — 378 p.
3. Brass P. *Ethnicity and Nationalism: Theory and Comparison*. — New Delhi: Sage, 1991. — 360 p.

4. Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — 216 p.
5. Caspary W. New Psychoanalytic Perspectives on the Causes of War // Political Psychology. — 1993. — Vol. 14. — P. 417–446.
6. Connor W. Ethnonationalism: The Quest for Understanding. — Princeton: Princeton University Press, 1994. — 234 p.
7. Coser L. The Functions of Social Conflict. — London: Routledge & Kegan Paul, 1956. — 188 p.
8. Delors J. Questions Concerning European Security. — Address at the International Institute for Strategic Studies, Brussels, 10.09.1993.
9. Denich B. Dismembering Yugoslavia: Nationalist Ideologies and the Symbolic Revival of Genocide // American Ethnologist. — 1994. — Vol. 21, No. 2. — P. 367–390.
10. Eliade M. The Myth of the Eternal Return: Cosmos and History. — London: Penguin, 1954. — 195 p.
11. Freud S. Why War // War / Bramson L., Goethals G. W. (eds.). — New York: Basic Books, 1968. — P. 71–80.
12. Gagnon V. P. The Myth of Ethnic War: Serbia and Croatia in the 1990s. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2004. — 248 p.
13. Gellner E. Nations and Nationalism. — Oxford: Blackwell, 1983. — 150 p.
14. Gurr T. R. Why Men Rebel. — Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1970. — 421 p.
15. Gurr T. R. Peoples against States: Ethnopolitical Conflict and the Changing World System // International Studies Quarterly. — 1994. — Vol. 38. — P. 351–370.
16. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations. — Cambridge: Cambridge University Press, 1985. — 240 p.
17. James W. The Moral Equivalent of War (1910) // War / Bramson L., Goethals G. W. (eds.). — New York, London: Basic Books, 1964. — P. 21–30.
18. Кеџмановић Н. Домети демократије. — Београд: Факултет политичких наука (ФПН), 2005. — 312 с.
19. Lorenz K. On Aggression. — New York: Harcourt, Brace & World, 1963. — 306 p.
20. Rice S., Scheffer D. Sudan Must End Its Brutal War Against Civilians // International Herald Tribune. — 1999. — 1 September. — P. 6.
21. Shroder I. W., Schmidt B. E. Violent Imaginaries and Violent Practices // Anthropology

of Violence and Conflict / Shroder I. W., Schmidt B. E. (eds.). — London: Routledge, 2001. — P. 1–24.

22. Sivard R. L. World Military and Social Expenditures. — Washington D.C.: World Priorities, 1996. — 56 p.

23. Small M., Singer J. D. Resort to Arms: International and Civil Wars, 1816–1980. — Beverly Hills, California: Sage, 1982. — 374 p.

24. Smith A. D. National Identity. — London: Penguin, 1991. — 227 p.

25. Smith D. The State of War and Peace Atlas. — 3rd ed. — New York: Penguin, 1997. — 128 p.

26. Становчић В. Политичке идеје и религија. — 2. допуњено изд. — Београд: Удружење за политичке науке и Чигоја штампа, 2003. — 298 с.

27. Straus S. The Order of Genocide: Race, Power, and War in Rwanda. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. — 294 p.

28. Sumner W. G. War // War / Bramson L., Goethals G. W. (eds.). — New York, London: Basic Books, 1964. — P. 210–215.

29. Ugrešić D. Die Kultur der Lüge. — Frankfurt: Suhrkamp, 1995. — 180 S. (Цит. по: Shroder & Schmidt, 2001)

30. Wallenstein P., Sollenberg M. Armed Conflict 1989–2000 // Journal of Peace Research. — 2001. — Vol. 38, No. 5. — P. 629–644.

31. Walter B. F. The Critical Barrier to Civil War Settlement // International Organisation. — 1997. — Vol. 51, Summer. — P. 335–364.

32. Стоянович М. Война и национальный идентитет // История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 21–33.

33. Стоянович М. Историческая и культурная роль войны в формировании и утверждении национального идентитета // История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 35–48.

34. Стоянович М. Роль войны в формировании национального идентитета // История. Историки. Источники. 2026. № 3. С. 55–64.

35. Хантингтон С. Сукоб цивилизација / прев. — Бања Лука: Романов, 2000. — 400 с.

REFERENCES (transliteration from Russian to English)

26. Stanovchiћ V. Politichke ideje i religija. — 2. dopuњeno izd. — Beograd: Udruženje za politichke nauke i Chigoja shtampa, 2003. — 298 s.

-
32. Stoyanovich M. Vojna i nacional'nyj identitet // Istoriya. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S. 21–33.
33. Stoyanovich M. Istoricheskaya i kul'turnaya rol' vojny v formirovanii i utverzhdenii nacional'nogo identiteta // Istoriya. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S. 35–48.
34. Stoyanovich M. Rol' vojny v formirovanii nacional'nogo identiteta // Istoriya. Istoriki. Istochniki. 2026. № 3. S.55-64.
35. Hantington S. Sukob civilizacija / prev. — Вања Лука: Romanov, 2000. — 400 s.

Рецензент: Самарцева Е.И. – доктор ист. наук, проф., ученый секретарь ФГБУК «Тульский государственный музей оружия», проф. ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет».